

Марьяна Романова

СТЕЯ

*На протяжении многих столетий
волки оборотни владеют душами людей...*

Бестселлеры Марьяны Романовой

Марьяна Романова

Стая

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова М.

Стая / М. Романова — «АСТ», 2016 — (Бестселлеры Марьяны Романовой)

ISBN 978-5-17-090894-3

Бывает, что, столкнувшись с чем-то неизведанным и непонятным, человек, в первые мгновения почувствовав ужас, начинает вдруг испытывать неумолимое влечение к окутавшей его тайне, потрясшему его явлению, содрогнется перед смутной, мрачноватой неопределенностью, отказываясь повернуться и уйти прочь, оставив загадку неразрешенной. Эта книга заставит вас с замиранием сердца, забыв обо всем на свете, следить за развитием жутковатого сюжета, ввергнет в то состояние, когда и оторваться невозможно, и в соседнюю темную комнату выйти одному страшно. Автор словно берет вас за руку и ведет в мир своих фантазий...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090894-3

© Романова М., 2016
© АСТ, 2016

Марьяна Романова

Стая

© М. Романова, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

К ночи в низину спустился туман, и темные бревенчатые дома небольшой забытой всеми богами деревеньки стали похожи на угрюмых старух в подвенечных платьях. У каждого старого дома свое лицо. Есть дома, которые словно тихо посмеиваются – скрип их покосившихся ставен похож на смех мудреца, который давно уравнил каждый момент с вечностью и вернулся в блаженное состояние чистоты. По-настоящему чисты только дети, блаженные и те, кто потратил свой век на примирение всего со всем. А есть дома мрачные, их темные окна как будто в самую душу смотрят, и в каждой их глубокой морщинке такая густая, почти осязаемая печаль, что сразу ясно – их стены видели многие беды. В таких домах – понимание и скорбь, ему сопутствующая. Возле этих домов даже говорят, слегка понизив голос, и вовсе не шутят, их часто годами пытаются продать по заниженной цене, но все без толку – кто же захочет жить в такой похоронной торжественности, кто же хочет быть зараженным ледяной вековой тоской.

В одном из таких домов, самом крайнем, к ночи вдруг зажегся свет. Деревенские обычно засветло встают, а к полуночи отбывают в гости к Морфею. Ночная деревня тиха как кладбище, тишину нарушает лишь лай цепных собак. Или вой. Вот и сейчас – монотонный низкий вой, сначала тихий, затем укрепившийся, слабым летнем ветром разносимый над крышами. Не то собаки выли, не то волки. Первым подал голос вожак, затем подхватили остальные, и вот этот слаженный вой, казалось, занял собою все пространство. Как будто бы глашатаи с того света созывали войско собраться на скорбный звук своих труб.

Старик тяжело сполз с печной лежанки, протер кулаками заспанные слезящиеся глаза, накиннул на плечи изъеденную молью шерстяную кофту. Он узнал этот вой, узнал эти голоса. Всю свою жизнь, с самого детства, он вставал на этот вой. Подходил к окну и задумчиво вглядывался в туман, представляя, что где-то совсем близко, за этим серым рваным покрывалом, *они*. Сильные, голодные, под их молодой кожей играют крепкие мускулы, из их пасти пахнет кровью, их колени перепачканы глиной и мхом. Старик всего однажды видел одного из *них* – это было очень давно, он был еще подростком.

Отец всегда говорил ему: «Как только сядет солнце, за околицу не ходи. А особенно к лесу приближаться опасно. В наших краях *они* случаются». Он приставал к отцу: кто такие *они*, почему *они* воют? И однажды отец рассказал, и все это было настолько похоже на сказку, что даже обидно – как будто бы его за малыша или дурачка держат. Но отец был серьезен. И отец взял с него клятву – никогда и никому не рассказывать об этом. И самому не пытаться узнать больше. Никогда не подходить к *ним*. Не лезть к *ним*. И особенно – никогда не пытаться стать одним из *них*. Даже если однажды в жизни настанет момент, когда это покажется единственным правильным выбором.

Старик называл себя Хранителем – хотя, возможно, это был слишком торжественный титул, потому что обладал он всего лишь секретом. Информацией, за которой даже никто не охотился. А вздумай он сам с кем-нибудь поделиться – ничего не добился бы, разве что получил бы койку в областной психиатрической лечебнице. Он прекрасно это осознавал.

Иногда, правда, с удивлением думал: ну неужели его соседи, которые живут в этой деревне десятки лет, совсем рядом, которые тоже слышат этот тоскливый вой, – неужели они ни о чем не догадываются? Почему об этом никто никогда не говорит? Как это возможно –

быть настолько слепыми? Конечно, с возрастом он понял, что большинство людей видят только то, что имеет к ним непосредственное и прямое отношение. Они и чужое чувство распознать не могут, и чужое намерение, все им надо по десять раз растолковывать да объяснять. Но этот вой... Он же словно под кожу пробирается, он же в самое сердце врезается осиновым колом! Как можно жить здесь столько лет и ни разу не задуматься о его природе? Может быть, они тоже Хранители? Иногда, встречаясь с кем-нибудь из соседей у колодца, он говорил что-нибудь вроде: «Сегодня ночью волки что-то разбушевались! Выли громко очень», – и с настороженным любопытством вглядывался в глаза того, к кому эту фразу обращал. Но ничего. Никогда и ничего.

Старик стоял у окна, прижавшись лбом к засиженному мухами мутному стеклу. Монотонное тоскливое разноголосье леденит кровь только поначалу, с годами к нему привыкаешь, оно прорастает внутрь и становится частью тебя.

Старик знал, что однажды наступит ночь, похожая на эту, с таким же сероватым туманом и с таким же густым близким воем, – ночь, когда он сползет со своей печи в последний раз. Он был абсолютно уверен, что смерть не застанет его врасплох, это будет его осознанный выбор. И тогда он неторопливо оденется, возможно, выкурит на крыльце последнюю самокрутку, и пойдет в туман, *им* навстречу. *Они* проводят его в тот мир, который, по обнадеживающим слухам, лучше привычного. Мир, откуда возвратиться можно только мутной голограммой чьей-то памяти. Только вот старик был одинок, и едва ли мог рассчитывать на то, что о нем будут помнить дольше сорока дней. В деревне чтут традиции, соседи устроят ему поминки – спокойные и бесслезные. Вздохнут да и позабудут.

Псы и волки всегда ассоциировались с бедой.

Собака воем – к смерти. В Библии псами называли еретиков: «...Берегитесь псов, берегитесь злых делателей... Это безводные источники, облака и мглы, гонимые бурей: им приготовлен мрак вечной тьмы... Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину». Мертвых египтян встречал в морочном мире псоглавый Анубис. Гекату, хранительцу ключей от мира Смерти, сопровождает стая псов. У древних народов собак приносили в жертву у гробниц – чтобы те показывали умершим дорогу на тот свет. Выход из Аида охранял Цербер, трехголовый чудовищный пес. В «Халдейских оракулах» есть строки: «Демоны с песьими ликами выйдут из глуби подземной, истинных знаков они не являют для смертного взора».

Я познакомился с Семеновым в мои двадцать с небольшим. Развалился Союз, я вернулся из армии как будто бы в новую страну – все, что вроде бы было моими планами на будущее, вдруг потеряло смысл. Это было странное время, моя темная ночь души. Целыми днями я просто бродил по улицам, ощущая себя заблудившейся Ариадной, потихонечку проматывал скудное наследство и с ужасом понимал, что я даже не могу придумать детали желанного пути. Ведь чтобы к чему-то стремиться, надо держать в голове хотя бы иллюзорный финал маршрута. А я был как будто бы героем фантастического романа о попадании в параллельный мир – знакомые люди, знакомые дома, а жизнь какая-то другая.

Один мой школьный товарищ за эти два года стал бизнесменом и теперь разъезжал по городу в немецкой иномарке, похожей на серебряную пулю. В его интонациях появилось что-то снисходительно барское, даже голос словно стал чужим. Чужой голос говорит чужие слова – о Канарских островах, о каких-то «телках» из болгарского модельного агентства, которым можно дать сто долларов, и они притворятся твоей спутницей на любой вечеринке, о закрытом караоке-клубе, в котором на бильярдном столе лежит обнаженная красавица, и с ее тела все слизывают черную икру. Чем больше округлялись мои глаза, тем больше он входил в раж – его вдохновляла социальная пропасть между нами. На моем фоне он казался себе не просто

успешным, а почти великим. А ведь этот был Вовка, с которым в наши двенадцать лет мы выкупили у соседки котят, которых та собиралась утопить в ведре. За то, чтобы она позволила котяткам пожить у нее месяц и окрепнуть на мамином молоке, мы по очереди приходили мыть ее квартиру. А потом вместе стояли у метро и пытались пристроить котиков, придумывали им фальшивые родословные и смешную рекламу. Теперь же напротив меня сидел чужой мужик в твидовом пиджаке с золотой брошью на кармане. Как будто бы тот Вовка умер, а его тело занял неприкаянный дух.

Другой приятель подался в «шестерки» к какому-то то ли уголовному авторитету, то ли бизнесмену, кто их разберет. Накачал мускулы не хуже, чем у Ван Дамма, носил при себе армейский нож и два пистолета – один в кобуре, другой – в портфеле из крокодиловой кожи. Портфель шел ему как корове седло, но это был подарок босса, священный артефакт, фетиш и доказательство принадлежности к миру, в котором за считанные месяцы можно было вскарабкаться на местечковый олимп. Забегая вперед – приятель тот сумел вскарабкаться лишь в лодку Харона. Погиб в перестрелке спустя полгода после нашей последней встречи. Тот портфель из крокодиловой кожи положили в его гроб.

Я чувствовал себя одиноким, не понимающим и непонятым.

Два года назад в военкомат меня провожал двоюродный брат – он был старше меня почти на двадцать лет, – и был прощальный вечер с советским шампанским, сентиментальными бардовскими песнями под гитару и мечтами: вот отслужу, потом в институт, потом инженером в НИИ, дачу продадим, вместо нее купим домик на далеком крымском мысе Тарханкут, заведем лодку, удочки и кавказскую овчарку. А потом у брата нашли онкологию – запущенная опухоль, мгновенная деградация из спортивного крепкого молодежьего мужчины в дряхлого испуганного старика. Я брал увольнительную, чтобы приехать на его похороны и даже не узнал его в гробу. Худое чужое лицо, темное и страшное.

И вот я вернулся в «большой мир» и вдруг почувствовал себя ребенком, потерявшимся в магазине. Такая беспомощность и отчаяние. Мне было стыдно и противно от этого самоощущения, хотелось как можно скорее вновь нащупать ногами твердь.

Я был неприкаянным и слабым, как бумажный кораблик, брошенный мальчишкой в набирающий мощь мартовский ручей. И все, что я мог сделать – просто быть в потоке.

У меня появилась девушка. Татьяна.

Она была красивая и странная. Впрочем, в начале девяностых вокруг было много странных людей – такой вот культ непохожести на остальных. В этом желании выделиться тоже была своеобразная штампованность. Но моя Татьяна была действительно самобытна – она не пыталась подражать ни доморощенным хиппи и панкам, ни гуманоидным персонажам из вошедших в моду андеграундных журналов, никому. Ей было двадцать лет, но лицо ее сохранило детские очертания – посторонние порой не давали ей больше двенадцати. При этом ее волосы были абсолютно седые – даже у глубоких стариков нечасто встречается такая безупречная полярная седина, без единого вкрапления пепла. Она была похожа не на живого человека, а на серьезную и немного зловещую куклу из фильма ужасов. Мы познакомились на выставке – в наш город приехала столичная художница, глубокая старуха, которая рисовала только глаза. На каждой картине – одни только глаза. Детские, в которых наивное предвкушение вечности. Юные – в которых дерзость иллюзорного владения всем миром. Старческие, слезящиеся и печальные. И под каждой картиной – небольшая история.

«Это глаза человека, который умер через две недели после того, как я закончила картину. Он тяжело болел, знал, что уходит и был к этому готов. Пока я его рисовала, он рассказывал о том, как готовится к путешествию. Поначалу мне было жутковато это слушать – я сама чувствовала себя будущим мертвецом в фазе отрицания неизбежности. Но он научил меня относиться к смерти как к дороге и приключению. Он собирался в Смерть как романтический

сталкер собирается на поиски золотого Паитити. Он читал мне Тибетскую и Египетскую книги мертвых и, честно говоря, больше был похож на экскурсовода, а не на туриста. Как будто бы *та сторона* уже немного ему принадлежала».

«Это глаза известной балерины, которая нашла время для позирования, потому что восстановилась после тяжелой травмы. Я работала с ней четыре раза по восемь часов. Все это время она рассказывала о своей главной сопернице. Они учились вместе с пяти лет. Общее отсутствие детства. Только станок, диета, деформированные ступни, никаких мелких радостей жизни. А потом – один и тот же театр и лютая, волчья конкуренция. В детстве были подружками, а потом жизнь заставила каждую целиться в горло другой. Моя балерина была более удачливой. Ей доставались все главные партии. И вдруг такое. Теперь танцует ее подруга, а она даже на репетицию не может пойти, потому что плачет от обиды. Она и во время позирования постоянно плакала. Возможно, вы это видите на картине, хотя я старалась ловить моменты, когда глаза ее были ясны».

«Это глаза молодого парня, вернувшегося с войны. Афганистан. Я знала его всю жизнь, сыночек моих соседей. Уговорила его позировать сразу же, как только приехал, пока отражение войны не испарилось из его глаз. Но зря торопилась. С тех пор прошло достаточно времени, а глаза у него такие же».

Глаза были такие реалистичные, живые, что довольно скоро, бродя между картин, я поймал не очень комфортное ощущение – будто бы подглядываю за тем, что знать мне не должно. Поймал себя на том, что деликатно отвожу взгляд. И другие посетители топтались вокруг какие-то притихшие. Хотя в нашем небольшом городке было не так уж много ценителей искусства, особенно современного, концептуального.

И вот там, возле одной из картин, я и увидел Татьяну. Она сама выглядела как произведение искусства – инфантильный сарафан в горошек, стоптанные сандалии, розовый румянец и эти седые волосы, раскиданные по хрупким плечам. Я не мог не подойти к ней. И она спиной почувствовала мое приближение и не оборачиваясь, сказала:

– Я себя чувствую как в стриптиз-клубе. У вас нет такого ощущения?

– Хм...

– Моя бывшая одноклассница танцует стриптиз. Однажды она пригласила меня посмотреть. Я ушла после третьего номера. У меня было ощущение, что краду чужое. Эти девочки как на блюдечке подавали свою наготу. У одной был синячок на колене. Приложилась где-то, торопилась выйти на сцену и тональником не замазала. А у другой – очень красивой – шрам от кесарева. Она играла Шехерезаду. Танец семи покрывал. Единственная профессиональная танцовщица в клубе. Шрамик незаметный совсем, белый и тоненький. У нее был хороший врач. Но я разглядела и в ту же секунду придумала для этой Шехерезады целую историю. Как у нее был жених-миллионер, который уехал на своей яхте с алыми парусами, как только узнал, что скоро станет отцом. И как она теперь крутится и не высypается. В общем, я ушла. Хотя это было очень красиво. Но мое воображение мешает мне насладиться поверхностной красотой... А здесь еще хуже.

Все это она проговорила, даже не обернувшись, не посмотрев на то, кто же ее внезапный собеседник.

– Я давно заметил, что люди боятся смотреть друг другу в глаза. Вежливым считается короткий взгляд. Нельзя удерживать внимание на глазах – это воспринимают как агрессию.

– Вот именно! Хотите, покажу вам мои глаза?

– Ну давайте.

– Как вас зовут?

– Артем!

– Меня – Таня.

Вот так странно и забавно и начался наш роман. Мы ушли с выставки, купили в ларьке дрянной польский растворимый кофе в пластиковых стаканчиках и заветренную шоколадку, отправились в ближайший сквер, сели на лавочку и просто смотрели друг другу в глаза. Молча. Счет времени был утерян. Это был опыт истинной близости – как будто бы общались не мы сами, а что-то светлое, надчеловеческое и вечное, что есть внутри у каждого. Я бы даже сказал, что беседовали наши души, если бы это не звучало так пошло и пафосно.

С того вечера мы были не разлей вода, дружба быстро обратилась в нечто, напоминающее любовь. Да, наверное, я Татьяну полюбил. Хотя никогда не видел ее в своем будущем. Не видел ее той, с кем я буду жить долго и счастливо и умру в один день. Она была совсем не об этом. Ее притягательность была в том числе и в обреченности, витающей и над ней самой, и над всеми отношениями, в которые она вступала.

Как рассказала мне сама Таня, поседела она в шестнадцать лет, когда погиб ее младший брат. Странно погиб – ушел в лес, не то за грибами, не то просто погулять, и не вернулся, а спустя несколько дней кто-то заметил, что дворовая собака несет по двору человеческую ногу, обутую в испачканный кровью кроссовок. Об этом даже в прессе писали, и фотографии были опубликованы – Таня их увидела и сразу же узнала обувь брата. Конечно, была эпопея с милицией, поисками тела, только вот без толку все – брата как будто бы растворил лес. Как серная кислота.

Все говорили – маньяк у нас бродит. В девяностые очень модно было в любом исчезновении подозревать мифического маньяка с мутной и зловещей внутренней историей. Уже был задержан Чикатило, о нем много писали и снимали. Газеты даже сообщали, что некий психиатр пытался заполучить его мозг для исследования, но не смог, поскольку Чикатило был казнен выстрелом в затылок. Уже находился за решеткой «Фишер» – Сергей Головкин, владелец страшного подвала, ставшего камерой пыток и могилой для десяти мальчишек, им убитых (а подвал этот, между прочим, находился в пятистах метрах от дачи Бориса Ельцина). Еще не был пойман Владимир Муханкин, но о его жертвах много судачили – еще бы, он был позер и даже оставлял на телах листочки со стихами своего авторства. На всю страну гремела мрачная слава руководителя детского туристического клуба Анатолия Сливко, который заманил больше сорока человек в тайный клуб «висельников». Пытал детей – большинство выжили, но молчали о случившемся, то ли ничего не помнили, то ли были слишком испуганы.

Все эти истории обсуждались в каждом дворе каждого городка, ими запугивали детей, придворные сплетницы в каждом незнакомце подозревали мрачного злоумышленника, в каждом отделении милиции лежали пачки заявлений на тему «кажется, я знаю, кто маньяк».

Но Татьяна не верила ни в историю о непойманном маньяке, ни в более правдоподобную версию о том, что ее брата задрала стая волков.

– Это Волкодлак сделал, – однажды сказала мне она, – ты мне не поверишь, никто не верит. Но я не могу тебе не сказать.

– Кто? – удивился я.

– Волкодлак, – терпеливо повторила Татьяна, – О нем многие слышали. Странно, что тебе никогда ничего о нем не говорили. Все местные знают, что в наших краях испокон веков его логово. Нам с Сашей в детстве бабушка все время о нем рассказывала.

– А Волкодлак – это... оборотень, что ли? – Я пытался говорить серьезно, хотя мне было неловко поддерживать разговор на такую тему.

Но что же делать, моя девушка – со странностями. Зато в ней такой космос, которого и на мою долю хватает, особенно в моменты, когда мы близки. Секс с Татьяной всегда был больше похож на чернокнижный магический ритуал – она была как бездна, все в себя принимающая и все растворяющая в себе без остатка. Никогда – ни до знакомства с ней, ни после того, как она навсегда исчезла из моей жизни – я не испытывал ничего подобного. Хотя попадались на моем

пути такие умелицы, рядом с которыми она показалась бы неопытной кармелиткой. Особенно когда у меня появились деньги. На запах денег в мою постель слетались десятки красавиц, каждая из которых надеялась превратить нашу общую ночь в храмовый обряд.

– Никто и не знает этого, – вздохнула Таня, – В деревнях говорят, что волкодлак – упырь, который как волк выглядит. В полнолуние он особенно зол и голоден. Но я думаю, это сказки. Я думаю, что волкодлак где-то среди нас. Человек он, просто не такой, как все. И никогда в жизни, увидев его на улице, ты не поймешь, чем он занимается ночами в лесу.

– А почему ты так думаешь? Это тоже вам бабушка в детстве рассказывала?

– Только не стоит говорить со мной так снисходительно, – осадила меня Татьяна, – недоверие лишает вдохновения.

– Ладно, ладно... Просто мне трудно примириться с такими вещами.

– Я тебе однажды расскажу. Не сейчас. Саша ведь не случайно в тот лес пошел. Мы с ним однажды видели Волкодлака. И с тех пор он бредил этим. Его туда тянуло. К нему даже по ночам Волкодлак приходил и звал за собою. Саша даже делился со мной, что ему хотелось бы пойти на зов. Я не думала, что он это всерьез, иначе и на метр его не отпустила бы от себя. Думала, просто мечтает. Но он был слишком молодым, слишком романтичным и слишком самонадеянным. Он верил, что раз Волкодлак сам зовет, то он не причинит вреда. Вот и ушел.

Таня надолго замолчала. Прямая спина, бледное фарфоровое лицо, огромные серые глаза, уставившиеся в никуда. Женщина, с которой у меня никогда не будет дома. Женщина, которая не умеет даже пуговицу пришить и пьет только воду из-под крана, потому что ленится кипятить и заваривать чай. Женщина, которая рассказывает страшные сказки. И верит в них всем сердцем. Да какая женщина – существо с другой планеты.

– Но самое смешное... Он ведь потом и ко мне приходил.

– Волкодлак?

В тот момент мне хотелось обнять ее, как ребенка, которому в пляске теней на потолке мерещатся бяка и бука. Но я знал, что Таня, несмотря на кажущуюся хрупкость, в защите не то чтобы не нуждается, но даже как будто бы брезгует ею. Она – сама по себе. Одуванчик, проросший сквозь трещинку в бетоне.

– Да, – серьезно кивнула Татьяна. – Знаешь, такое бывает странное состояние – когда вроде бы уже уснул, но на самом деле еще нет. Граница между сном и бодрствованием. Я после Сашиных похорон плохо спала. Все время мысли в голове вертелись, что все могло бы быть по-другому, я остановить его могла. До рассвета ворочалась, иногда голова сама собою отключалась... В таком состоянии часто необычное видишь. Игры разума. Но то видение не было похоже на остальные. Все было словно совсем по-настоящему... Как раз сорок дней у Саши прошло. Были поминки – небольшие, у нас с братом никогда не было много друзей. Родители наши умерли давно. И бабушка, которая нас воспитывала, тоже умерла. Меня эти поминки раздражали. Все пытались, как они это называли, разрядить обстановку. Как будто бы отвернуться от смерти и закрыться от нее картонным щитком натужного юмора. Вспоминали какие-то дурацкие истории о Сашке. Как он урок алгебры сорвал, запустив в класс белых мышей. Как он влюбился в девочку, написал письмо с признанием и решил привязать к ошейнику ее пса. А это огромная немецкая овчарка. Он их во дворе караулил, за гаражами прятался. Потом пригласил овчарку на сосиску, схватил за поводок, а та его на землю повалила. Хорошо, хозяйка вовремя подбежала – а то бы его в ключья порвали. – Таня нервно поежилась. – Его ведь и порвали, только многими годами позже. Волкодлак. А записку он так и не отдал... Такие вот дурацкие истории вспоминали.

Одна старуха рассказывала: пошла она однажды в лес за грибами, забрела далеко, устала очень. С собой у нее была бутылка молока и хлеб. Присела передохнуть и только собиралась начать бесхитростную трапезу, как ветки совсем рядом затрещали и на поляну, где она устро-

илась, олень выбежал. На боку у него была глубокая рваная рана – как будто бы кто-то зубами вырвал кусок плоти. Сознание его было затуманенным, руководили им инстинкты, он бестолково метался по поляне, тратя и без того скудные силы. Старуха посторонилась, укрылась за широким стволом лесного дуба – испугалась, что он ее зашибет. И только потом подумала – если рана свежая, значит, где-то рядом и тот, кто ее нанес. И ничего поделать с этим она не может – где ей убежать от дикого зверя. Только и оставалось, что схорониться – успокоить дыхание и прижаться к стволу в надежде, что отвлеченный запахом свежей оленьей крови, хищник ее не заметит и даст спокойно уйти.

И вот кусты снова затрещали, и когда старуха увидела, кто преследовал оленя, она испугалась по-настоящему. Ни волк матерый, ни медведь лютый не заставили бы так заколотиться ее сердце. Это был человек. Мужчина. Но очень странный.

Старуха потом всем об этом рассказывала, но ей никто не верил. Думали, она с возрастом тронулась умом.

Постепенно я привыкал к новой для меня действительности, к новой стране. Моя жизнь медленно налаживалась. И работа однажды нашлась, вполне денежная.

Судьбу мою определил счастливый случай – один знакомый предложил мне, пока суть да дело, поработать на побегушках в некоей строительной конторе. Нудная бумажная работа – в ней ни радости, ни перспектив, зато стабильные деньги. И время подумать, освоиться в изменившемся мире, нащупать в нем нового себя, новые свои мечты и цели. И конечно, я с радостью за эту возможность ухватился.

Я был педантичным аккуратистом и быстро освоился в офисе, который представлял из себя несколько комнаток, арендованных у завода на окраине города. Здесь было неуютно – мертвенный свет, заляпанные окна и гора бумаг в маленьком пространстве. Я чувствовал себя отчасти роботом, и это был осознанный выбор, чтобы не сойти с ума. Я был идеальным механизмом по сортировке бюрократического мусора, и меня практически сразу же заметил начальник нашего отдела – некто Сергей Сергеевич Семенов. И уже спустя пару недель я стал кем-то вроде его личного ассистента – хотя такой должности в нашей конторе и не было предусмотрено.

Семенов.

В некотором роде местная легенда и знаменитость. Человек, которого все побаивались, но за которым наблюдали исподтишка.

Семенов производил впечатление человека пусть мрачноватого, но зато уравновешенного, надежного и в лучшем смысле приземленного. Спокойный тихий голос, ровное настроение, спортивная осанка, умные глаза. Даже в слякоть его ботинки блестели от гуталина, его рубашки всегда были безупречно отутюжены, а на рабочем столе не водилось никакого хлама. Он никогда не терял документы и чеки, не забывал ничего, даже дату рождения уборщицы из кафетерия напротив. Семенов никогда не позволял себе лишнего – ни еды, ни выпивки, ни слова, за что многие окружающие относились к нему настороженно. Полный самоконтроль.

Многие не могли с ним сработаться. Педант, честный трудяга, которому неведомы простые человеческие радости вроде утренней медитации на пасьянс «косынка» или замаскированного под чай коньяка на рабочем столе.

«Он как будто не живой человек, а машина, с ним страшно и неуютно! – говорили коллеги о Семенове. – И никакой карьеры не надо, если жить вот так. Интересно, он хотя бы иногда смеется? А трахается?»

Возможно, я был единственным человеком в городе, который однажды по чистой случайности узнал мрачный секрет Семенова.

О личной жизни Семенова нам было известно только то, что он вдовец и у него есть взрослая дочь по имени Алена. Красивая девица двадцати с небольшим лет, похожая на итальянскую кинозвезду из семидесятых. Ее фотография стояла на столе Семенова – единственная деталь, намекающая на то, что у него, возможно, не до конца атрофирована способность любить. Алена не жила в нашем городе – по слухам, училась в Москве, но подробностей никто не знал.

И вот однажды случилось так, что я ушел с работы ближе к полуночи, и уже пройдя несколько кварталов, осознал, что оставил ключи от квартиры в ящике стола. Пришлось возвращаться, бубня под нос ругательства – и так личной жизни почти никакой, с Татьяной вижусь от силы пару раз в неделю, даже иногда телевизор на ночь посмотреть сил нет, а тут еще и по собственной дурости отнял у себя час священного сна.

Я был уверен, что в офисе никого нет. Наша дверь не запиралась – на проходной круглосуточно дежурил сторож, который близоруко сощурился при моем приближении и лишь меланхолично кивнул головой, даже не поинтересовавшись, зачем я возвращаюсь на работу в столь поздний час.

Уже бредя по длинному коридору, я почувствовал неладное. Дурное предчувствие, выросшее не из каких-то логических выводов, а скорее из животных инстинктов. Тело уже почувяло беду – участился пульс, холодок пробежал по спине, а сознание еще не могло понять, в чем же дело, что здесь не так.

Подошел к двери нашего кабинета, увидел в щелочке у пола приглушенный свет. Странно – вроде бы я уходил последним, а педанты вроде меня никогда не бывают настолько рассеянными, чтобы машинально уплыть по своим делам, не проверив, выключены ли электрические приборы и закрыты ли окна. Из кабинета раздавались приглушенные звуки – удары, сопение и побряхтывание. Немного растерявшись, я остановился.

Мне было известно, что секретарша нашей конторы, молоденькая Люсенька (ветер в голове, шаткие каблуки, криво зашитые колготки «паутинка» и смешные большие зубы, вечно перепачканные в рыжей помаде), была давно влюблена в Семенова и вертелась вокруг него. Это было по-детски невинно, трогательно и смешно. Разумеется, речь здесь шла не о глубоком нежном чувстве, а скорее о легкомысленной иллюзии, выросшей на благодарной почве влечения к невозможному. Девочки, которых воспитывали без отца, часто влюбляются в недостижимых мужчин – чем холоднее, тем лучше. Лучшего объекта, чем Семенов, в этом смысле трудно было и вообразить. Человек, который даже никогда не улыбается. Робот с холодными глазами. Естественно, Люсенька питала беспочвенные надежды, что именно она может стать той, кто растопит этот айсберг. О ее безответной страсти знал весь офис, включая и самого Семенова.

За несколько дней до происшествия я случайно услышал, как в нашей курилке Люсенька откровенничала с пожилой бухгалтершей Зинаидой, похожей на меланхоличного кита.

– Ни на что не реагирует, – вздыхала Люсенька, – я, когда бумаги ему подаю, так наклоняюсь низко, почти на ухо ему шепчу. И вместо духов у меня розовое масло. Я читала, что это заводит мужчин.

– Дура ты, – флегматично отвечала Зинаида. – Мужчин заводит борщ и пироги с капустой и яйцом. Если хочешь, дам тебе хороший рецепт.

– Да ну! Я вот что придумала. Дождусь того дня, когда он задержится на работе, закрою дверь на ключ изнутри и... и разденусь! – Она звонко засмеялась, опьяненная собственной потенциальной дерзостью. – Вот что он сделает, что?

– Уволит тебя, вот что. Или вызовет психиатрическую «скорую». Ну, в самом лучшем случае – попросается и уйдет.

– А вот фигу ему! – веселилась Люсенька. – Куда же он уйдет, если я ключ спрячу! Не в окно же прыгнет. А я, между прочим, даже белье новое купила! Красное!

Поэтому, когда я увидел пробивающийся из-под двери свет, первой моей мыслью было, что чертовке Люсеньке все-таки удалось невозможное – совратить Семенова. Я осторожно повернул дверную ручку – кабинет не был заперт.

Наверное, если бы я увидел сценку из порнофильма, это удивило бы меня меньше, чем то, что открылось моим глазам. Хотя я, как и все остальные в нашем офисе, в этой игре не поставил бы на Люсеньку ни единого рубля.

На полу лежал незнакомый мужчина, руки его были связаны скотчем за спиной. А Семенов – обычно лишенный эмоций, спокойный как буддийский лама, Семенов стоял над ним и методично, со вкусом избивал несчастного.

Лицо Семенова было искажено такой яростью, что даже глаза, казалось, побелели. Но между тем это был не аффект, а продуманная жестокость – рот избиваемого был заклеен скотчем, а сам мучитель ни издавал ни звука, губы его были плотно сжаты. Он не хотел привлечь чье-то внимание. Семенов был прекрасно тренирован – скорость, резкость, точность. Его короткие удары попадали в цель, и старался он метить в болевые точки. Несчастный незнакомец пребывал в полубморочном состоянии – он вяло пытался защититься, закрывая руками то голову, то живот, но в этом была лишь инстинктивная жажда жизни.

Я оторопел и беспомощно застыл на пороге кабинета. Кажется, впервые в жизни я настолько растерялся. Не понимал, как лучше поступить. Тихонько отойти и позвать охранника, вместе дождаться милицию? Окликнуть? Попытаться оттащить Семенова от едва живой его жертвы?

И в этот момент он поднял глаза и посмотрел прямо на меня.

Если честно, я и сам находился в хорошей физической форме. До армии несколько лет полупрофессионально играл в волейбол, а вернувшись – бегал кроссы, наматывал круги по заброшенному стадиону на краю нашего городка. У меня был хороший опыт в рукопашном бою и вполне достаточно упрямства и смелости, чтобы в случае необходимости отразить удар. Только вот почему-то перед Семеновым я вдруг почувствовал себя так, как будто бы был незадачливым лесным путешественником, которого застиг врасплох матерый разъяренный медведь. Это было из области инстинктов. Встреча с более сильным и свирепым зверем.

– Артем... – неожиданно спокойным голосом приветствовал меня Семенов. – Жаль, что ты это видишь.

– Я...

– Молчи уж. Теперь я не могу отпустить тебя просто так. А ну заходи.

Чувствуя себя жертвенным ягненок, я переступил порог кабинета и аккуратно закрыл за собою дверь. Почему-то я решил, что послушаться его будет для меня безопаснее, чем попытаться убежать.

Семенов одним рывком снял скотч с рук своей жертвы. Мужчина тут же отполз в сторону, его пошатывало как пьяного.

– Сейчас я вызову тебе такси, – тихо сказал Семенов, – ты сядешь в машину, поедешь домой и никому не расскажешь о том, что случилось.

Тот часто закивал, готовый на все – лишь бы спастись.

– Впрочем, о чем это я? – ухмыльнулся Семенов. – Ты и так не рассказал бы. Потому что твои убьют тебя, если узнают, что выболтал их имена. И они будут гораздо более жестокими, чем я.

– Знаю, – прохрипел мужчина, утирая рукавом кровь с рассеченной скулы. – Я никому не скажу.

– А если ты меня обманул... В общем, для тебя было бы лучше, если бы ты меня не обманул.

Пока ждали такси, все молчали. Избитый дышал тяжело и время от времени не то хрипло всхлипывал, не то пытался прокашляться. Семенов сидел у окна с прямой спиной и курил в форточку. Он выглядел как человек, который спокойно ждет автобус. Я же зачем-то углубился в бумаги, лежавшие на моем рабочем столе, – финансовые отчеты. Уводя мысли от происходящего, мне было проще успокоиться.

Наконец телефонная трель возвестила о появлении такси. Незнакомец встрепенулся и вопросительно посмотрел на своего мучителя. Он был сломлен, подавлен, в нем осталась лишь одна опция – послушно выполнять чужие команды. Впрочем, это был волшебный «эффект Семенова» – в его присутствии даже самые отпетые необязательные лентяи нашего офиса проявляли армейскую собранность и педантичность. Он был идеальным начальником – умел заставить каждого работать продуктивно и вовлеченно.

– Иди, – Семенов кивнул головой на дверь. – Сядешь на заднее сиденье. Там темно, тебя вряд ли о чем-то спросят. А если спросят, скажешь, подрался с товарищем. Не смей идти в больницу.

– Понял, – прошелестел незнакомец.

– Деньги на такси есть?

– Да... И вы больше не появитесь?

– Если ты сказал мне правду – не появлюсь.

Мы остались вдвоем.

– Я все понимаю, что ты сейчас чувствуешь, – сказал Семенов. – Твоя воля – поступить как считаешь правильным. Единственное, о чем прошу тебя – не принимай решения до субботы. Поедем ко мне на дачу, и там я покажу тебе кое-что. И это изменит твои представления о мире. А потом можешь делать что хочешь – хоть сдать меня ментам.

– Что же там, на этой даче? – Меня подташнивало от волнения и усталости.

– Об этом невозможно рассказать, – покачал головой Семенов. – Иначе ты сочтешь меня сумасшедшим. Это надо увидеть самому. И ты увидишь – в субботу. Обещаешь до этого дня ничего не предпринимать?

И мне ничего не оставалось, кроме как со вздохом ответить:

– Обещаю.

Летопись была одна старая, от руки на распадающихся желтых листах записанная. Говорилось в ней о некоем маленьком княжестве, которое было как земной эдем. Жили в нем люди в дружбе и сытости. Но однажды с юга пришли чужаки – целое войско. У каждого воина – сабля черная, под каждым – мускулистый и дышащий паром конь вороной. И полились реки крови. Не падали никого завоеватели – ни стариков, ни женщин, ни детей. Всем, кто встречался на их пути, головы рубили. А потом эти головы собрали в огромный холм – так они потом десятки лет и пролежали под степным солнцем, сначала невидяще глядя в равнодушное небо мертвыми глазами, потом обнажив под сходящей слоями высохшей кожей белые кости. Всех убили, до единого человека. И вот настала первая ночь в пустом завоеванном городе, в котором пахло отчаянием, страхом и смертью. Сначала воины устроили пиршество, а потом уснули усталым пьяным сном, глубоким и черным как южная ночь. Разбудили их крики нечеловеческие. И те, кто открыл глаза и вернулся в реальность из мира снов, позавидовал другим – тем, кто принял смерть во сне. Город был наполнен мертвецами. Их растерзанные тела усеяли улочки, пыль мостовых впитала их кровь. Немногие оставшиеся схватились за свои сабли, но это было бесполезно. Не люди были их противниками, не люди ночью напали на город. Волки. И волков было так много – сотни, тысячи. Они сбегались к городу из окрестных лесов и были похожи на бескрайнее серое море.

Многие из тех, кому выпала участь быть разорванными волчьими зубами, даже не верили своим глазам. Думали, что это страшный сон. Не бывает таких огромных волчьих стай.

Все воины были убиты той ночью, в живых остался только один. Был он самый молодой из всех – мальчишка лет четырнадцати. Это был его первый военный поход. Слабый, худенький, он не должен был выжить – сколько раз он едва не сгинул в пути, сколько раз чудом уклонился от вражеского копья, сколько раз, проклиная себя за трусость, бежал и прятался в роще, мечтая о спасении и доме. Его сердце не было горячим сердцем воина. Он мечтал о поле, о рыхлой ароматной земле, в которую укутываешь семена, а потом наблюдаешь за их медленным перерождением. И вот он один вернулся в итоге, один дошел до родного края, обессиленный, состарившийся и больной. Он и записал эту летопись, он и оставил потомкам память о страшной волчьей ночи.

И всю оставшуюся жизнь потом рассказывал сначала братьям своим, затем – детям, а потом и внукам о Великом Волке, который живет в глухих лесах. Он намного крупнее обычного волка – ростом, должно быть, с дерево. И передвигается он на двух ногах, и глаза у него человечески, и в глазах отражается его древняя душа. Смотрит на тебя Великий Волк – и как будто бы понимает о тебе все. Не скрыть от него никакого секрета, ничего от него не утаить.

Ни соседи, ни дети, ни внуки выжившему воину не верили. Впоследствии и историки не отнесли к его летописи всерьез. Она осела в архивной библиотеке небольшого городка на севере России и воспринималась как сказка немногими, кому довелось ее прочитать.

– В субботу не смогу пойти с тобой на пруд, как договаривались, – сказал я Татьяне, – меня друг на дачу позвал, я помочь обещал. В воскресенье ходим, это ведь ничего?

– Ничего страшного, – она была не из обидчивых. Было в ней некое врожденное чувство собственного достоинства, которое не позволяет редким его обладателям чувствовать себя обиженными. Пытаться таких задеть – только себя замарать.

– Не расстраивайся. В воскресенье пикник устроим, вино возьмем с собой, пиццу купим.

– Я и не расстраиваюсь. А где эта дача? – зачем-то спросила Таня.

Я назвал место, и лицо моей подруги скривилось.

– Плохое место, – помолчав, сказала Татьяна.

– Почему?

– Глушь. Там раньше только деревеньки были небольшие, вдоль реки... Но природа красивая, несколько лет назад построили там садовые товарищества. Только зря. Негоже людям в этом месте селиться.

– Ты загадками говоришь, – нахмурился я.

– Некоторые загадки лучше так и оставить секретами, – опустила глаза Татьяна, – То место, о котором ты говоришь, среди лесов стоит. Эти леса никогда не вырубят, земля там рыхлая, болотистая, комарья полно. Большие деньги нужны, чтобы все растащить, присвоить и благоустроить. Так и стоит лес сотни лет. Нехороший лес, недобрый.

– Разве лес вообще может быть добрым или злым?

– Может, – без тени улыбки кивнула она. – Бывает, заходишь в лес, а он как будто бы тебе улыбается, как гостя дорогого тебя принимает. И грибные поляны покажет, и к малиннику выведет, а если сильно утомишься, то и к ледяному роднику, из которого можно напиток. А есть лес мрачный, неприветливый. Он тебя ветками царапает, корни как нарочно ноги твои цепляют. Словно деревья хватают тебя за руки – не ходи туда, не ходи туда, убирайся вон, ты нам чужой, мы тебя ненавидим!

– По-моему, кто-то слишком впечатлительный.

– А еще в таком лесу волки живут, но необычные волки.

– Волкодлак, – вздохнул я, вспомнив любимую страшную историю Татьяны.

– Волкодлак, – мрачно подтвердила она. – Его еще называют Великим Волком. Волкодлак и его стая. Если почуют они человека, чужака, не уклониться тому от смерти, не убежать. Так и сгинет среди болот.

– Обещаю, в лес я не пойду. – Я успокаивающе погладил ее по плечу, но Татьяна нервно дернулась, отстраняясь.

Она была из тех, кто с головой проваливается в любую сиюминутную эмоцию. В этом были и плюсы – минуты счастья она переживала полнокровно, самозабвенно, как дитя. Но если ей было обидно, горько, больно – Татьяна словно проваливалась в ад. Ее тело включало режим саморазрушения. Даже внешне она будто бы сразу становилась на десять лет старше. Я ничего не мог с этой ее особенностью поделать.

– Таня, это садовое товарищество там не первый год стоит. Если бы место было таким нехорошим, оттуда бежали бы люди.

– А ты расспроси соседей, может, они и бегут, – прищурилась она, – Может, там и мрут как мухи люди. Может быть, уходят в лес насовсем.

– Ничего со мною не случится. Я быстро бегаю и хорошо дерусь. И со мной будет Семенов.

– Ну-ну, – усмехнулась она. – Живым ты останешься только в одном случае. Если ты не интересен Волкодлаку.

Я поспешил свернуть неприятный разговор и пожалел о том, что сказал Татьяне правду. В тот вечер мы почти не общались – сидели за крошечным кухонным столом напротив друг друга как чужаки. Каждый как будто бы находился на своей планете. Я курил, смотрел в окно и пытался успокоить мысли. Если честно, я чувствовал себя мальчишкой в ожидании приключений – и мне было немного неловко за эти ощущения. Я не знал никаких подробностей, но было очевидно, что речь идет об истории страшной – возможно, о преступлении, об убийстве. Я вспоминал, каким спокойным и жестоким было лицо Семенова, когда тот избивал несчастного. Я говорил себе – не стоит придумывать версии заранее, скоро настанет суббота, и ты узнаешь правду. Но я был так молод, и у меня еще не было навыков контролировать мысли. Мои мысли были лютыми кровожадными псами, сорвавшимися с цепи и сеявшими хаос.

Татьяна же лелеяла оттенки своего мрачного состояния. Она пила чай и неподвижно сидела, невидяще уставившись в какую-то книгу. И варилась, варилась, варилась в медленно закипавшем адском котле.

Спать легли по отдельности – она на кровати, я же – на коротком и неудобном кухонном диванчике. Это было так инфантильно и глупо, что нас поссорил Волкодлак, едва ли существующий в реальности.

– В деревнях говорят – в каждом лесу Волкодлак свой обитает. Если поехать на Север, например, в Архангельскую область – любая старуха про него расскажет, пусть и неохотно. Отпираться будет долго – в наш век скепсиса никто не хочет прослыть сумасшедшим, но при желании разговорить можно. Волкодлак показываться людям не любит, а те, кому довелось увидеть его вблизи, из леса не вернулись и рассказать ничего не смогут. Только вот пасет он каждого чужака, пришедшего в его дом. Бывает, идет грибник по лесу, углубится немного в чащу, заплутает, и начинают ему мерещиться чужие шаги за спиной. Оборачивается – нет никого. Тьфу, показалось, нервы расшалились что-то. Но то справа ветка хрустнет, то птица, чьей-то поступью напуганная, резко вспорхнет из кустов, то сорока лесная летит поодаль, словно сопровождая кого-то, от глаз сокрытого. И это ощущение чужого взгляда на твоей спине, которое ни с чем иным не перепутаешь. Случай был – компания туристов пропала в лесу. Пошли с ночевкой, с палатками, их даже вроде бы провожал кто-то местный, бывший лесник. Еще головой качал – вы бы, ребята, к ночи ближе убирались из леса нашего, всякое о нем болтают. Напрямую не говорил, но намекнуть пытался. Но люди были молодые, самоуверенные. Собирались всю ночь костер жечь и житейские истории друг другу рассказывать, попивая чай из сушеного малинового листа. К утру, когда не вернулись они, никто и не побеспокоился – выпили, поди, проспят и появятся. Но когда они не появились ни к обеду, ни

к вечеру, тут, конечно, народ на поиски собрался. Неохотно – уже начинало смеркаться. На Севере не любят углубляться в лес после заката. Впрочем, палатку и кострище их быстро нашли – чужаки не сильно в лес углубились, на первой же приятной полянке обосновались и устроили свой последний пир. Сразу стало ясно – случилось с ними что-то нехорошее. Палатка была вся ножом исполосована – как будто бы изнутри ее резали, пытаясь от чего-то убежать в ночи. Пепел костра уже давно остыл. Тел еще и не нашли, но всем было понятно – нет смысла искать их в ночи, мертвецам плевать на время. Воротились обратно, а следующим утром вернулись в лес. В компании той четыре человека были – два пацана и две девочки. Одну девчонку быстро обнаружили – лежала среди деревьев лицом вниз, а когда перевернули, отшатнулись – лицо у нее не было, как будто содрали его. Бурое месиво, и сквозь запекшуюся кровь косточки белеют. Вторую нашли чуть поодаль, у раскидистого дуба. Руки ее были в кровь содраны – видимо, пыталась забраться на дерево и спастись от смерти, да не успела, прыти не хватило. Парней нашли уже ближе к вечеру – в болото их утянуло по самую шею. Одного вытащили – весь в иле темном, во рту – жижа болотная, глаза широко распахнуты, и все сосуды в них полопались. Второго пытались вилами подцепить, да все никак, в итоге тот бывший лесник, который провожал их, прямо за голову мертвеца потянул, да тут же и упал от несообразности усилия. Одна голова в руках его и оказалась – как будто кто-то нечеловечески сильный оторвал ее от тела одним движением. Много о той истории судачили, и годы спустя даже местные, которые лес как свои пять пальцев знали, опасались туда заходить. Еще в другой деревне рассказывали – девочка там была, чистый сорванец, все наперекор своим делала. Обидел ее кто-то из домашних, вот она с криком «Ну и пожалуйста!» за околицу убежала. Потом соседи пришли к ее своякам в панике – ваша-то в лес подалась, мы видели, как она через поле неслась. Тут уж вся деревня поднялась, пошли спасать бедняжку. А дело уже совсем к ночи было. Никто, к слову, не верил, что девку живой еще увидят, глаза от ее родных прятали. Но нашли. У кромки леса сидела на траве, скукожившись, обнимала свои колени и монотонно раскачивалась. Когда к ней подошли, посмотрела невидящим взглядом. На руках ее домой нести пришлось. Температура у нее поднялась, жар, бред. Каталась по пропитанным потом простыням и орала: «Не подходи! Не подходи ко мне!» А потом, когда пришла в себя, рассказала – обида ее была похожа на темные перепончатые крылья, которые ее вмиг, в полубеспамятстве, до леса донесли. В лес вошла и остановилась – дальше-то делать что. Никто за ней не гнался, никто не пытался вернуть и попросить прощения. Да, может быть, и не видел никто, куда она подалась, не оценил, как она рисковала всем назло. Потопталась, посидела на поваленной березе, нашла куст малины, съела несколько ягодок. Вдруг слышит – шаги осторожные. А уже вечер совсем, и не разглядишь ничего за покрывалами пышных кустов. Шаги приближаются, страшно. Она тихонько позвала: «Кто здесь?.. Я сейчас уйду... Я не одна, тут батя со мной!» – но никто ей не ответил. И вдруг из кустов прямо на нее странное существо выдвинулось. Вроде бы и человек, но какой-то странный. Голый совсем, передвигается на четвереньках, как животное. Остановился, носом повел. Девочка от страха онемела, ноги слабыми стали, а воздух – как будто бы ватным. Как в ночном кошмаре, когда убегаешь от чудовища, а тело не ворочается, словно ты в каком-то киселе.

Много таких историй можно собрать по деревням. И не поймешь – сказка ли это, выдумка или коллективное сумасшествие.

Наступила та самая суббота, когда мы сели в старенький дребезжащий автомобиль Семенова. Поспать мне удалось в тот день от силы три часа, меня мучило и пошатывало. Да еще и семейные ссоры всегда лишали меня энергии. Я близко к сердцу воспринял выходку Татьяны. Не мог перестать об этом думать, злился на нее. «Дурная баба, сумасшедшая, больная!» – вертелось в голове.

– Во что ты веришь, Артем? – спросил вдруг Семенов.

– В каком смысле? – немного насторожился я.

– В прямом. Каждый человек во что-то верит.

– Я атеист, если вы это имеете в виду.

– Атеизм – тоже вера. Вера в отсутствие бога. Точно с такими же канонами и даже ритуалами.

– Я верю в науку.

– Это слишком тонкая область, – усмехнулся Семенов, – слишком много белых пятен. На самом деле мы почти ничего не знаем о мире. И мало отличаемся от людей, которые верили, что земля плоская.

– А это вы вообще к чему?

– Сегодня ты увидишь то, что не укладывается в твою картину мира.

– Волкодлака, что ли? – вырвалось у меня.

Семенов отреагировал неожиданно – руки его как будто бы свела судорога, он вильнул рулем в сторону, и мы едва не съехали в кювет. Он был такой напряженный, как натянутая гитарная струна. Все мышцы скованы, как будто бы этот человек живет на пределе и не может позволить себе расслабиться даже во сне.

– Что ты сказал? – В его интонации чувствовалась угроза, и на секунду мне показалось, что сейчас он наскоро запаркует автомобиль на обочине, вытащит меня и начнет бить, как того несчастного в кабинете. Просто от чувства собственной беспомощности. Атака загнанного в угол сильного зверя.

– Я ничего об этом сам не знаю, – поспешил оправдаться я, – Но моя девушка, Татьяна, все твердит о необычных волках, которым на глаза лучше не попадаться. И что руководит ими какой-то Великий Волк, получеловек. Таня называет его Волкодлаком.

– Но откуда она все это взяла? – немного успокоился Семенов. – Есть такая легенда. Но она не очень популярная. В книгах об этом не найдешь. Кто ей рассказал?

– У нее брат погиб. Твердил о волках, которые зовут его в лес. Все считали его ненормальным. Но однажды он ушел в лес, один. И не вернулся. А потом нашли его разодранное тело.

– Когда это было?

– Давно... Я стараюсь об этом не говорить. Татьяна, она... Нестабильная. Ей нельзя позволять много говорить о таких вещах. Она начинает путать реальность и сказку. Я боюсь, что она сойдет с ума. Иногда мне кажется, что она уже...

– Все женщины отчасти сумасшедшие, – хмыкнул Семенов. – И в этом ничего плохого нет. Все потому, что им открыта чувственность. Мужчины воспринимают мир логикой. А у женщин есть дар интуиции. Ты знаешь, что некоторые каббалисты считают – женщина ближе к богу?

– Никогда не интересовался каббалой... И вообще, вы меня пугаете. Что там такое, на вашей даче.

– Я еще и не начал тебя пугать. Не спеши, нам минут пятнадцать всего ехать осталось. Сам все увидишь. Так вот, научиться мыслить логически – реально. А вот развить интуицию, если не рожден с этим даром, практически невозможно. Очень трудно. На это вся жизнь уйти может. Получается, у женщин больше шансов познать мир целостным, чем у нас. Во все времена мужчины это понимали. И старались женщину подавить. Поставить на второе место.

– К чему вы это все?

– К тому, что, может быть, не такая уж сумасшедшая твоя Татьяна. Просто она чует то, с чем твой мозг не может смириться.

От машины шли молча, петляя по улицам садового товарищества. Почему-то Семенов запарковался у дальней калитки. Он торопился, и, хотя на лице его было обычное спокойное

выражение, я нутром чувствовал его взвинченность. Наконец подошли к дому, который стоял немного на отшибе. Обычный дачный домик – простенько и бедненько. Участок буйно зарос травой, и, пока мы пробирались по тропинке к дому, стебли крапивы несколько раз полоснули меня по лицу.

Дом не выглядел жилым – окна фанерой заколочены, прибитый к стене умывальник прожавел, во дворе – куча мусора. Сложно было поверить, что это неухоженное состарившееся жилище принадлежит педанту Семенову.

Но вот он отворил дверь ключом – полумашинальное отточенное движение человека, для которого эти стены давно вошли в привычку.

Вслед за ним я осторожно вошел на веранду. Внутри дома было получше – простая деревянная мебель, запасы минеральной воды и консервов под столом, запах пересохшего дерева и мяты, на стене – телогрейка, чуть продранная на рукавах.

Семенов опустился на стул – отчего-то он выглядел обессиленным. Кивнул в сторону электрической плитки:

– Ты, малой, поставь чайник. В серванте, кажется, была халва.

Мучимый любопытством, я послушно засуетился – хотелось как-то встряхнуть его, отпить чаем, расшевелить. В доме, как и в рабочем кабинете Семенова, царил минимализм – ничего лишнего, несколько старых чашек, несколько тарелок, банка яблочного джема на полке, немного засохший хлеб. Хранившийся в берестяном туеске чай оказался самодельным – из земляничного и малинового листа. Я сделал нам бутерброды с вареньем и уселся напротив Семенова, обнимая ладонями горячую кружку. Казалось бы, умиротворяющая атмосфера – ветер гнет верхушки берез за окном, пахнет травами и ягодами, ностальгический детский дачный мирок. Закроешь глаза и мерещится, что это твоя собственная, давно проданная родителями, дача и что сейчас твоя давно умершая бабушка звонко позовет тебя: «Обедать! Руки не забудь помыть!» Но почему-то мне было не по себе. Холодок в солнечном сплетении. Это было так глупо – но я как будто бы кожей чувствовал, что у этого неприметного и по-своему уютного дома были мрачные секреты.

– Ты ведь знаешь, что я вдовец? – Тихий голос Семенова вернул меня в реальность. – Знаю, вы обо мне все сплетничаете.

– Да, – подтвердил я и зачем-то еще добавил: – Очень вам сочувствую.

– Не стоит, – криво ухмыльнулся Семенов, – В моем случае это было избавление. Потому что я потерял жену задолго до ее смерти.

Он резко встал, зачем-то устремился к старенькому дребезжащему холодильнику, как будто бы его недра содержали как минимум философский камень, универсальный ключ от всех дверей. Достал батон немного заветревшейся колбасы и начал нарезать ее – неаккуратными толстыми ломтями. Я заметил, что его руки немного дрожат. В тот момент Семенов был похож на маньяка, с извращенным наслаждением разрезающий кожу беспмятной жертвы, а не на гостеприимного хозяина, отчего-то вздумавшего предложить гостю неуместный бутерброд. В отличие от меня самого затянувшиеся паузы не тяготили Семенова. В моем же восприятии молчание было похоже на ледяной колпак, из-под которого хотелось выбраться, да не хватало сил. Интуиция подсказывала мне, что я должен лишь плыть по течению, предоставив инициативу хозяину дома.

– Давай, Артем, выпьем, – внезапно сказал Семенов. – Парень ты хороший, хоть и нетерпеливый как щенок. Спиной чую, как ты на стуле весь изъерзался. А в твоём возрасте пора бы научиться выдержке.

Передо мною оказалась стопка ледяной водки и неумелые бутерброды, трогательно украшенные ломтиками увядшего огурца. Все это было так странно. Новое лицо Семенова. И похоже, настоящая лицо, не имевшее ничего общего с масками, которые он носил на публике.

– Но я не...

– Да ты выпей, выпей, – он похлопал меня по плечу.

Жест почти отеческий, а рука – тяжелая.

– Тебе сегодня предстоит увидеть такое, к чему без водки и не подступиться. Если не хочешь поехать крышей. Я уже который год с этим живу. Да так и не привык... Я тоже выпью. Пока поедем обратно, все выветрится.

Семенов осушил свою стопку одним глотком и тотчас же налил себе еще. Это было поразительно. Семенов – с его репутацией не то даосского сверхчеловека, не то бесчувственного киборга – пил водку как самый обычный мужик.

Неприученный к крепкому алкоголю я закашлялся после первого глотка. Внутри моей головы точно море кипящей лавы разлилось. Это было непривычно, но приятно. Откинувшись на спинку старенького деревянного стула, я попробовал расслабиться. Это было трудно. Неизвестность, да еще и приправленная таким анонсом Семенова, нервировала. «Тебе сегодня предстоит увидеть такое, к чему без водки и не подступиться. Если не хочешь поехать крышей...»

– Моя жена ушла в секту, – наконец заговорил он. – Где-то за год до смерти. И дочку, Алену мою, с собой увела.

– Как? Ваша дочка ведь в Москве учится...

– Это я придумал для коллег. Чтобы не было лишних вопросов. Нигде она не учится. Сломанная жизнь, в двадцать один год.

– А она... тоже...

– Нет, Алена жива, – поморщился Семенов. – Сегодня я тебя с ней познакомлю. Но советую перед этим выпить хотя бы еще пятьдесят грамм.

– Да мне, пожалуй, хватит. Развезет!

– Это ты зря. Пить, не теряя контроля – навык бдительного человека. Такой же как бег или стрельба... Ну как знаешь.

– А что это была за секта? – немного осмелел я.

– О! – Губы Семенова растянулись в улыбке, как у пластилинового человечка из мультфильма, а взгляд остался внимательным и серьезным. – Она очень маленькая. И закрытая. Я уже несколько лет иду по их следу. Все без толку. Даже странно, как моя Наташа ухитрилась на них выйти. В отличие от большинства таких организаций они никак себя не рекламируют. И даже наоборот – избегают и лишних знакомств, и новых адептов.

Семенов говорил, а я тем временем исподтишка наблюдал за ним. Человек-загадка. Я помнил, каким было его лицо, когда он человека избивал. Белые от ярости глаза, сжатые губы. Теперь в это сложно было поверить. Люди с таким ровным безмятежным лбом и размеренной речью обычно не способны на проявления чувств. Но Семенов был как бушующее море, в результате странного катаклизма закованное в толщу льда. И раньше, глядя на него, я замечал только этот лед, а теперь мне открылись и штормовые волны, и ледяные соленые брызги, и синие омуты, и обломки затонувших кораблей, на вечность оставшихся в пучине.

– Они называют себя Стая. Их действительно очень мало. Во всей России от силы сотня. Они никогда о себе не говорят – каждый новичок, насколько я понял, дает обет неразглашения. И моя Наташа попала в эту группу. В Стаю, – скривился он.

– Где же она таких нашла?

– Этого мне узнать не удалось. Я не сразу заметил, что с ней что-то не так. Пропадал на работе. Дома валился замертво от усталости. Наташа со мною не ссорилась, у нас всегда было спокойно и чисто, обычный счастливый дом. И Алена довольная такая ходила. Она так любила жизнь! Такой красавицей выросла, и сама об этом знала. Мечты у нее были, амбиции, планы. Я ничего не заподозрил. А обе уже были в Стае... Подруга у нее появилась. Наташа всегда довольно замкнутой была. Не любила из пустого в порожнее переливать и с другими бабами лясы точить. Она всегда лучше с книгой посидит или гулять на несколько часов уйдет, с

собакой нашей. Интроверт. У нас овчарка немецкая была, Джеком Лондоном назвали... И вот в наших разговорах все чаще начало имя этой приятельницы всплывать. Валерия то, Валерия се. Меня не жди, я к Валерии чай иду пить. За короткое время эта Валерия в подружки лучшие просочилась. И, с одной стороны, я был рад – работа отнимала все мое время. А Наташа – всегда одна, жалко ее было. Но с другой – с самого начала мне почему-то было тревожно. Чутье. Я мысли эти от себя гнал. Думал, что это чушь и профдеформация. А потом Наташа стала к этой Валерии на всю ночь уходить. «Тебя же все равно дома нет, у Аленки нашей мальчик, не до меня ей...» Тут я, конечно, всполошился. Хотя откуда мне было знать, что там все так страшно – я решил, что у моей жены любовник появился. Этого себе никогда не прощу. Пока свою обиду высиживал, как крокодиле яйцо, Наташа прошла точку невозврата. В последние недели перед уходом она совсем другой стала. Чужой, неприветливой. Скажешь что не по ней – огрызается. Никаких больше ужинов, домом заниматься совсем перестала. Такое впечатление, что ей было совсем тошно рядом со мною. Спала даже на самом краю кровати, отодвинувшись, а если я ненароком ночью ее касался, так брезгливо стряхивала мою руку, как будто бы я слизень, а не человек. А я, идиот, на гормоны все списывал. Думал, влюбилась, идиотка.

– И что же, вы не пробовали за ней проследить? У вас ведь были все возможности, с такой-то работой...

– Пробовал, – вздохнул Семенов. – Я был сам не свой в те дни. Не знал, что мне делать, как правильно поступить. Мы были вместе почти двадцать лет. Я ее как часть себя воспринимал. Конечно, страсть ушла давно. Но было что-то большее. Родство. Мы были как один организм, одно тело. И мне было, с одной стороны, так страшно, что весь мой мир рухнет. И все, что я создавал годами, больше не имеет смысла. Но с другой – я был немного даже рад за нее. Как друг, а не как обманутый муж. Что на ее долю выпала поздняя страсть. Такой вот последний десерт...

– Она ведь не пожилая была, – вырвалось у меня.

– По паспорту – да. Многие в таком возрасте еще девочки. Но Наташа никогда не заботилась о внешнем. И поесть хорошо любила, и даже крема у нее никогда не было, и из одежды – двое штанов и несколько футболок. Утром на ощупь взяла из шкафа чистое и пошла. Поседела она рано, волосы не красила. Ей было на все это искренне, от души наплевать. И мне это нравилось. В этом была особенная самоуверенность... Она полностью полагалась на себя настоящую и считала, что форма – ерунда. И даже тогда, когда я мучился ревностью... Наташа вовсе не выглядела как женщина, у которой любовник. Ничего в ней не изменилось внешне. Те же мятые футболки, та же странная стрижка. И глаза у нее не блестели. И мужчины шли мимо нее как мимо мебели, не проявляя интереса... Но ты прав, я все-таки однажды организовал слежку. Мне было любопытно увидеть, кем меня заменили. Кто за несколько месяцев разрушил то, что я строил двадцать лет.

– И тогда вы вышли на этих... на Стаю?

– Если бы я на них вышел, я бы эту лавочку в два счета прикрыл, – Семенов вздохнул. – Но они хорошо шифруются. В общем, к моему удивлению, любовника я не обнаружил. Наташа и правда проводила много времени с новой подругой, которую и правда звали Валерией. Я навел справки по своим каналам. Валерия Михайловна Мостовая. Ровесница Наташи, тихая, давно разведенная женщина. Если бы я тогда знал, чем все обернется, я бы в волосы ей вцепился, я бы ее в подвале запер и не отпустил до того, как она расскажет все.

Глаза Семенова горели яростью. Я смотрел на него и верил – действительно запер бы. Действительно не отпустил бы.

– Но я как дурак сразу открыл все карты. Пришел к ней домой, нагрязнул неожиданно. Еще и конфет принес. Хотел быть дружелюбным, разобраться во всем хотел. Вывалил все этой Валерии – про мои сомнения, про жену, которая ушла из семьи, не уходя.

– А она что?

– Да ничего! – сжал губы Семенов. – Выслушала меня спокойно, даже, тварь, посочувствовала. Сказала, что нельзя считать людей своей собственностью. Даже родственников. Что удержать возле себя любимого можно, только дав ему свободу. И что принятие чужого выбора – это и есть настоящая любовь... Я и так к ней, и так подъезжал... На своем стояла – никакого любовника у Наташи нет. Просто появились свои друзья, интересы. А я, мол, ревную ее к новой жизни. Обманула меня. А я ей позволил это сделать.

– И что случилось потом?

– А потом всего недели две прошло, не больше. И Наташа в очередной раз домой не пришла. Это меня не удивило. Я даже решил быть благородным. Выпил коньяка, позвонил на работу, отгул взял, лег спать. Подумал, что вот утром она явится, а я не буду неудобных вопросов задавать. Приму ее как родного любимого человека. Может быть, это ее смягчит, развернет ко мне. Еще, дурак, планировал – встану пораньше, омлет вкусный сделаю, за ее любимыми пирожными в гастроном схожу... Только вот утром Наташа не появилась. И на следующую ночь не появилась тоже. Такое случилось в первый раз. Она все-таки предупредила о своих перемещениях. Я заволновался. В милицию позвонил – меня там на смех подняли. Но я на людей давить умею, даже на ментов. Заставил их записать мой телефон, данные Наташи. Взял обещание позвонить мне, если какая-то информация появится... Долго ждать мне не пришлось. Той же ночью они мне позвонили. Сказали приехать в морг на опознание. Я почему-то сразу понял, что нет никакой надежды. Что это именно Наташино тело я сейчас увижу. Как в тумане собрался, поехал. Дочку будить не стал. Зачем ее нервировать напрасно. Приехал в морг, мне показали Наташу. Она была голая. Синяя какая-то, как замороженная курица. Лицо спокойное, губы сжаты.

– И как она погибла? – тихо спросил я.

– Живот у нее был вспорот. Черная рана вместо живота. Месиво. Что я только в жизни ни видал, но там меня прямо на пол наизнанку вывернуло. Меня быстро увели, чаю дали. Все было как в тумане. Как будто бы я был не я. Мне сказали, что ее нашли в городском парке. Зачем-то она пошла среди ночи в лес, одна. В дикую часть парка, куда и люди не ходят. Ее бы и не нашли так быстро. Парочка подростков искали место, где уединиться, случайно наткнулись на нее. Она была совсем голая. Лежала лицом вверх. И руки раскинуты, как будто бы обнимала кого-то. Сначала решили, что это маньяк, что изнасиловали ее. Но ни следов борьбы не нашли, ничего. Паталогоанатом написал в заключении, что секса перед смертью у Наташи не было. И чем нанесли такие раны, тоже никто не понял. Как будто бы зубами рвали, по живому... Но знаешь, что самое ужасное? – Семенов заметался по комнате, воспоминания как будто бы перенесли его в прошлое, и теперь он в тысячный раз переживал ту ночь. – Утром я осторожно рассказал Алене. Дочке нашей. Она всегда была чувствительной девочкой. А она... Она не удивилась. Я это потом осознал. Тогда не до эмоций было. Надо было как-то такое принять, да и похороны организовать, место на кладбище купить, денег где-то на все это собрать... А потом вспоминал и удивлялся – Алена просто выслушала меня спокойно. Вздохнула грустно, да и все. И на похоронах она единственная не плакала. Даже я плакал. Родители Наташины из другого города приехали, у матери ее вообще истерика случилась, на гроб кидалась. Алена стояла спокойная, в сторонке. А ведь она с матерью была близка. Доверяла ей. Много времени они вместе проводили. Даже когда Наташа меня из жизни зачем-то вычеркнула, Алenu она не оттолкнула. Иногда они шептались о чем-то... Мне бы подслушать, но кто же знал... Кто же знал...

– А та женщина, Валерия? Вы потом ходили к ней еще? Она же явно знала что-то...

– Ходил ли я, – глухо рассмеялся Семенов. – Еще девяти дней не исполнилось, как пошел. Без толку. Не оказалось ее в квартире. Соседка сказала – переехала. Куда – никому не сказала, нелюдям она была. Я через знакомых по базе ее искал. Но ничего – как будто бы раствори-

лась. Город у нас небольшой – я каждый день думал о том, что однажды встречу ее. Но нет. Видимо, уехала, сбежала. Поняла, что запахло жареным. Или убрали ее.

– А дочка?

– А дочка была со мною до сорокового дня. В последний раз я ее видел на поминках. Какой же я был дурак! Алена ходила как тень – а я думал, что она смерть матери тяжело переживает. Все по-разному с горем встречаются. Кому-то проще выплеснуть из себя эмоции, рыдать, жаловаться, искать утешения. А кто-то как будто бы варит горе внутри – как ядовитый эликсир. Медленно выпаривает яд. И никто ему не нужен для того, чтобы самое лютое горе трансформировать в спокойное воспоминание. Алена из таких и была. Так я думал.

– Откуда же вы узнали, что она тоже попала в эту Стаю? И вообще, как узнали о Стае?

– Подруга Аленкина меня однажды на улице остановила. Специально пришла в наш двор и ждала меня. Маруся ее звали, она с моей дочкой с самого детства дружила... Не разлей вода, ни разу не поссорились, вместе собирались в институт поступать. Аленка часто ночевать к ней уходила. И когда уже случилось непоправимое... Маруся та однажды меня во дворе подкараулила. И рассказала жуть какую-то. Оказывается, моя Алена давно оттолкнула ее – просто ни с того ни с сего перестала общаться. Маруся – девочка нежная, переживала очень. Не ссорились, все было хорошо. Моя дочь звонить ей перестала, а когда сама Маруся звонила, говорила, что ей некогда, обещала перезвонить и никогда не перезванивала. Маруся однажды во дворе к ней подошла, поговорить хотела. Аленка на нее огрызнулась и даже оттолкнула. Зло так. «Уходи, не до тебя мне! Ты что, сама не видишь, что с тобой не хотят общаться?» И сначала Маруся обиделась, несколько дней не трогала ее... А потом подумала – а что, если подруга в беду попала? Что, если ей помощь нужна, а она из гордости никого не хочет впутывать? Стала за Аленой из окна наблюдать, пасти ее. Заметила, что подруга часто ближе к ночи уходит куда-то. Обычно – в сторону городского парка. Ну и пошла однажды за ней. Одевалась удобно и неприметно, жалась к стеночкам. Но никаких шпионских хитростей и не понадобилось – Алена была настолько погружена в свои мысли, что ничего вокруг себя и не замечала. Прямоком в лес она шла. Марусе не по себе было – ночь все-таки. А Алена будто бы и не боялась ничего. И вот прямо перед входом в парк она по сторонам оглянулась и вдруг опустилась на землю и поскакала вперед, как животное! Маруся опешила и не стала ее догонять. Испугалась очень. Говорит, это как в фильме ужасов выглядела. И так резво побежала – так не у любого спортсмена получится... Маруся все допытывалась – правда ли, что с Аленой все хорошо, куда она пропала? А у меня сердце кровью обливалось, но я был вынужден врать, что с дочкой все в порядке, в Питере учится...

– А на самом деле? – затаив дыхание, спросил я.

Семенов, кашлянув, поднялся, с шумом отодвинув стул. Он нервничал, это было заметно. И странно. Я обратил внимание, что он с силой сжал кулаки – видимо, у него тряслись руки.

– А на самом деле... На самом деле Алены больше нет, – глухо ответил он, – Во всяком случае, той Алены, которую я знал и растил.

– А мы сюда приехали, чтобы... – начал было я.

– Чтобы ты кое-что увидел, – перебил Семенов. – Идем.

Я потянулся за ним в соседнюю комнату – обычная дачная комнатка с разношерстной старенькой мебелью, истрепанным дешевым ковром и посеревшими от времени густыми тюлевыми шторами. Семенов взялся за угол ковра, привычным движением откинул его в сторону, обнажив неровный дощатый пол, в котором был небольшой люк. Тоже ничего особенного – многие строили дачные дома с погребками, чтобы хранить в земляном холоде огородные заготовки.

Семенов откинул люк, и я увидел лестницу, ведущую вниз – пожалуй, чуть глубже, чем следовало бы. Это был очень, очень глубокий погреб.

– Ну что же, идем. Только держись, пожалуйста, за моей спиной.

– А что там, трехглавый цербер на цепи? – нервно хихикнул я.

Но Семенов остался серьезным:

– Самое смешное, что ты почти угадал.

И мы пошли по лестнице вниз. Шаткие ступеньки – их явно строили второпях. Снизу веяло холодом. Шли мы в полной темноте, потому что как только мы оказались на лестнице, Семенов закрыл люк над нашими головами. Непроглядная черная темень. Я шел осторожно, ориентируясь на звук его уверенных шагов. Сразу было понятно, что ему приходится часто проделывать этот путь, его ноги помнят каждую ступеньку. Мне было не по себе. И немного стыдно за это. Взрослый мужик, отслуживший в армии, а у самого сердце колотится в этой темноте, в плену этих земляных стен. Еще и память услужливо подбросила все прочитанные в желтой прессе материалы о маньяках – у каждого второго из них был вот такой специально оборудованный глубокий земляной подвал. Кричи – никто не услышит. И никто никогда не найдет.

Я услышал лязг отпираемого замка и скрежет несмазанных петель. И только отперев дверь, Семенов щелкнул выключателем. Помещение залил скудный желтоватый свет единственной лампочки. Мы находились перед толстой железной дверью, к которой с внутренней стороны было прибито ватное одеяло. Небольшая прихожая, а за ней – еще одна металлическая дверь, с тремя замками. Увиденное нравилось мне все меньше. Даже мелькнула мысль, что пора спасаться – дернуть вверх по лестнице, только меня и видели. Но любопытство заставило меня продолжать с наиглупейшим видом стоять на месте.

– Ну что, боишься? – Семенов считал мое состояние. – И правильно делаешь. Мне самому каждый раз страшно туда идти. Ты главное, не паникуй, все время держись за моей спиной. Тогда эта тварь тебя не тронет. Цепь надежная, не порвется точно.

За дверью послышалась какая-то возня. Будто бы рычание.

– Так это вы не пошутили... По поводу зверя... – только и мог пролепетать я.

– Не пошутил, – вздохнул Семенов. – Только там не зверь.

– А кто? – Я почти шептал.

– Моя дочь. Алена.

Подвальную комнату освещала единственная лампочка – настолько тусклая, что я вынужден был остановиться на пороге, чтобы глаза привыкли к полумраку. В нос ударил отвратительный запах неубранного хлеба. Сено, шерсть, гнилое мясо, экскременты – это зловоние окутывало как кокон, пробиралось в каждую пору. Мебели в комнате не было, только в самом углу валялась куча скомканного грязного тряпья.

Семенов шел первым. Я заметил в руках у него небольшой пакет.

– Алена! Твоя еда! – коротко скомандовал он.

Куча тряпья зашевелилась, и от нее отделилась пошатывающаяся фигура – как мне в первый момент показалось, собачья. Крупный темный пес, опасный и матерый, на сильных мускулистых лапах. Семенов показал мне жестом, чтобы я ждал у порога, а сам сделал несколько осторожных шагов вперед. В середине комнаты я заметил большую эмалированную миску. Семенов зашуршал пакетом и извлек – я не мог поверить своим глазам – большой кусок сырого мяса на кости. Размороженная говядина, немного посеревшая, с желтоватыми прожилками жира. Неужели он собирается накормить этим человека, собственную дочь? Мясо с глухим стуком упало в тарелку, а Семенов тотчас привычным движением отскочил в сторону.

Я услышал какое-то ворчание, потом настороженный рык. Из угла к миске медленно приближалось существо, за которым тянулась толстая полязгивающая цепь. И только когда оно вступило в пятно скудного электрического света, я заметил, что это человек, молодая женщина. Жилистые руки и ноги, порванная грязная одежда, свалывшиеся волосы, а лицо... Мне

никогда не приходилось видеть таких лиц. Пустой тусклый взгляд, подергивающийся нос – как будто эта женщина привыкла пробовать реальность на запах, как будто ей была вовсе не важна картинка. Она медленно подошла к миске, наклонилась, понюхала мясо. Я сделал шаг вперед, чтобы лучше ее рассмотреть, и тогда она резко вскинула голову, оскалилась и предупредительно зарычала. Дикая зверь, охраняющий свою добычу. Семенов схватил меня за руку и одними губами прошептал: «Остановись!»

Алена несколько раз лизнула мясо, потом ухватила его зубами и отволокла в угол. Отвернулась, и теперь мы видели только ее спину, и слышали мерное чавканье. Женщина неряшливо и жадно пожирала сырое мясо, в считанные минуты расправившись с увесистым куском.

После этого она несколько раз широко зевнула и немного сонно побрела к другой миске, стоявшей в углу – в ней была вода. Алена лакала ее по-собачьи, зачерпывая лопаткой шершавого языка. В какой-то момент она резко вскинула руку и почесала волосы за ухом.

– Ну всё, – прошептал Семенов. – Пойдем отсюда. Я позже еще спущу и поменяю ей воду.

Мы поднялись наверх. У меня тряслись руки и губы. Кажется, никогда раньше я не ощущал себя таким растерянным. Мое сознание отказывалось верить в то, что увиденное внизу – реальность, а не страшная галлюцинация.

Семенов понимал, что со мною происходит. Молча поставил передо мною стопку с ледяной водкой, которую я без пререканий опрокинул, даже не почувствовав ее градус. Стало немного легче – во всяком случае, тело перестало дрожать.

– Вот, – спокойно сказал Семенов, – только что ты видел Алену, мою дочь. Вернее, то, что от нее мне оставили.

– Но... Но как же так... Зачем же на цепи... Это как-то...

– Бесчеловечно? – с кривой ухмылкой подсказал он. – Да, я знаю. Но поверь мне – это единственный шанс ее спасти. Я потерял жену, насовсем. И не хочу потерять еще и дочь. Я верю, что все можно вернуть. Что Алена станет такой же, как прежде. Такой, как на фотографии, которую ты видел в моем кабинете.

– Да... Но ей же нужна медицинская помощь!

– Шутишь? Ты хотя бы раз бывал в психиатрической лечебнице?

– Нет...

– А вот мне приходилось. Думаешь, я сразу принял такое решение? Конечно, я навел справки. Сходил куда надо. Мне даже устроили аудиенцию у московского светила. Расспросил осторожно... Нет, это безнадежно. Смирительная рубашка, лошадиные дозы лекарств и постепенное угасание того человеческого, что в ней еще осталось.

– А почему вы думаете, что в ней это осталось? Простите за бестактность, но...

– Не извиняйся, я все понимаю, – вздохнул Семенов. – Но я нарочно привез тебя сюда именно в такой день. Алена становится особенно страшна в полную и черную луну. Два раза в месяц. В другие же дни у нее случаются проблески... Нет, она ни разу не заговорила со мною с тех пор... Хотя иногда пытается шевелить губами, что-то передать. Я ни разу не разобрал... Но она иногда так смотрит... Так смотрит на меня... – Губы Семенова дрогнули, но он быстро взял себя в руки, и на его лице появилась привычная маска нарочитого снисходительного спокойствия. – И в такие моменты я понимаю, что надежда есть.

– Но вы держите свою дочь как животное... На цепи... Она такая... Такая истощенная. Вы хотя бы каждый день даете ей еду?

– Ты за кого меня принимаешь? Конечно, каждый. Хотя она ничего не ест, кроме сырого мяса. Однажды мне все это так надоело, что я целую неделю пробовал переломить ее. Кормил только кашами, овощами, макаронами. Тем, что она любила раньше. Но она подойдет к миске, понюхает и отвернется. Лежит в углу, слабая и только с ненавистью на меня смотрит. На седы-

мой день я понял, что она скорее с голоду умрет, и дал ей курятины. Я на рынке покупаю ей кур – даже не ощипываю. Она так ест. Прямо с перьями и жилами.

– Подойдет к миске... – потрясенно повторил я. – Из миски ее кормите, как животное...

– Ну а ты ее видел? Как ее, по-твоему, надо кормить – с шелковой скатерти и серебряного блюда?

– Мне кажется, вы сами сошли с ума, – меня мутило, хотелось поскорее уйти из этого дома. – Я лучше пойду... Можете меня не подвозить, доберусь на электричке.

– Э-э-э, нет, – Семенов быстро оказался у двери. – Никуда ты не пойдешь. Тебе надо все это пережить. Сейчас ты еще выпьешь водки, потом я накормлю тебя обедом, и вот только потом отвезу тебя домой, где ты примешь холодный душ и сразу ляжешь спать. До завтрашнего утра ты не должен ни с кем общаться. Я тебя только об этом прошу. Перевари это впечатление, а потом уже делай выводы и принимай решение – сдавать меня или не сдавать.

– А если сдам? – прищурился я.

– Твое право, – пожал плечами Семенов. – Тогда на тебе будет ответственность за смерть моей Алены. Тебе с этим надо будет как-то жить... Артем, дорогой, неужели ты считаешь, что мне самому не больно и не тошно видеть свою дочь такой? Каждый день приходиться сюда и видеть вот это? Неужели ты не понимаешь, что мне было бы в сто раз легче снять с себя ответственность, отдать ее в лапы психиатров, а потом просто раз в неделю приносить в больницу конфеты и апельсины? И видеть Алену умытой, причесанной и спокойной, да вот только без души? Неужели ты считаешь, что я маньяк или садист?

– Ну... Это так сложно...

– Вот именно! – повысил голос Семенов. – Это очень сложно. А ты делаешь выводы, едва соприкоснувшись с тем, с чем я живу уже... – он нахмурился – Уже полгода.

– Полгода?! – ахнул я. – Вы больше года держите свою заболевшую дочь на цепи?

– Ну начинается... Ладно, может быть, я цепляюсь за призрачный шанс. И так не может продолжаться вечно. И однажды, если ничего не случится, я скажу себе стоп... Только вот за этот год я нарыл кое-какую информацию. Это непросто – в Стае все очень осторожные. Ты видел того мужчину, которого я... – Он запнулся.

– Избил до полусмерти, – подсказал я.

– Ну да, – сник Семенов. – Он предпочел бы умереть, но не сдал своих. И все они такие. С ними надо по-другому, их надо переиграть. У меня есть кое-какие наводки.

– А что же будет, если вы на них выйдете? Убьете?

– Ну скажешь тоже. Я заставлю их вернуть мне дочь. Я узнаю их схемы, взломаю их код. Узнаю точно, что именно они сделали с Аленой. И только тогда все можно будет переиграть обратно.

Я покачал головой и придвинул к нему пустую стопку, которую Семенов тотчас же с готовностью наполнил водкой. Я был подавлен и растерян. Семенов, образчик холодного спокойствия, на которого мне в какие-то моменты даже хотелось быть похожим, теперь виделся мне полусумасшедшим жалким стариком.

Бабушка говорила: «Не ходите в лес, нехороший он! Этот лес Волкодлаку принадлежит, сотни лет он царствует, сильный, хитрый и умный, не поймать его никак!»

Татьяна и младший брат ее, Сашенька, смеялись, подталкивая друг друга локтями, а когда бабушка отворачивалась, один из них шептал другому: «Она ведь просто дремучая старуха!» – и это была защитная реакция. Натопленная комната старенького деревенского дома, потрескивающий в печи огонек, уютный аромат сушеных яблок, свежего теста, разошедшихся досок и березовых банных веников, которые бабушка развешивала над печью. Ее тихий низкий голос, плавный ток ее речи, ее северный акцент с округлыми длинными гласными. Все это создавало особенную сказочную атмосферу – как будто бы своими сказками бабушка ткала

иную реальность, в которой есть место и упырям с раздувшимися серыми лицами и длинными желтыми ногтями, и быстrokрылым лукавым бесам, вдохновляемым яростью и жадой разрушать, и особенно Волкодлаку – огромному волку на человеческих ногах, о котором она любила рассказывать особенно часто.

– Я сама его однажды видела. Маленькая тогда ишо была. Как ты, Танюша. Там, за лесом, тогда деревенька была, сейчас на ее месте одни развалины, и те бурьяном заросли. Мамка меня к своей товарке за маслом отправила. Нас было девятеро детей, а я – самая старшая. Почти все малые и померли один за другим – кто зиму не пережил, кто утоп, кого трактор переехал. Несчастливая семья, как будто бы проклятая. До старости только я да сестра моя одна добрались – да и неважно сейчас это, давно я след ее потеряла. И лица ее уже не вспомню...

Бабушка была специфической рассказчицей – всё время уходила от основной линии к деталям. Но слушать ее все равно было интересно. А уснуть без этих сказок казалось невозможным. Татьяна и Сашенька все лето в ее деревенском доме проводили, там была их альтернативная маленькая жизнь, их детство и счастье.

– Перемерли все один за другим, мамка наша так к горю уже привыкла, что и слез не роняла. Как будто бы отключили ей способность горевать. И вообще что-то чувствовать. Встанет спозаранку, пашет весь день. Ночью падает замертво – и сил у нее не остается, чтобы мысли скорбные гонять... Все перемерли, да вот только Демьяна, младшенького, Волкодлак порвал...

– И ты это своими глазами видела? – ахнула Таня.

– Нет, – бабушка перекрестилась. – Но было ведь и так всем понятно. Про лес наш все знали, что не стоит туда ходить, особенно когда луна круглеет. И про Волкодлака знали – что основался он там, не выкуришь. Мужики наши, охотники, пытались на него с факелами да вилами пойти. Да вот только двое погибли, а остальные вернулись белые от страха да ничего толком рассказать не могли. Тех двоих и не похоронили по-человечески – от них одни лоскуты кровавые остались... А Демьян наш был любопытный очень. Его бы и так смертушка прибрала – то в колодец свалится, то на льдине кататься удумает, то поганок наестся. Шиложопый, одним словом. И однажды его зачем-то в лес понесло... И все ведь слышали, как он там кричит, – да побоялись на помощь пойти. И мы с мамкой слышали. Узнали голос его. Мамка встрепенулась, да я ей за подол ухватилась, не пустила. Он бы ведь и мамку порвал, остались бы мы с сестрой сиротами. Потом говорили все: «Волки вашего малого подрали. Лютые волки в наших краях, голодные, стая молодая и сильная». Говорили, а глаза прятали – все знали, что волки ни при чем. Да и не нападают они летом.

– Бабушка... – подал голос Сашенька. – Ты ведь говоришь, что видела самого этого... Волкодлака.

– Было, было, – вздохнула старуха. – Мамка меня в деревню, что за лесом, отправила. Велела идти по окружной дороге. А мне годков было тринадцать. Лето было, как сейчас тот день помню. Утро такое ясное, такое солнечное, что кажется, никакой нечисти не пробиться через этот свет. Я и решила путь срезать. Леню мне было идти два часа по окружной, когда можно сквозь лесок за половину времени туда-обратно обернуться... ну вот и пошла. Палку еще с собой для храбрости взяла, рогатину... В лесу хорошо, шмели жужжат, малина растет, ветки хрустят под ногами. Мне сначала было не по себе – мерещилось, что наблюдает кто-то за мною, будто бы даже шаги за спиною слышала, а как обернусь – пусто там. Но потом успокоилась. Напевала что-то под нос, травинки на ходу срывала, у куста лесной малины оставилась и объела ягоды. И даже мысль в голову пришла – может быть, и неправда это все, про Волкодлака лесного... И вдруг вышла я на такую красивую полянку – даже и не знала, что в лесу нашем такая невиданная красота есть. Березки вокруг и небольшой пруд. Проточный, тиной не зарос. И вода такая прозрачная, зеленоватая. Я подошла, лицо умыла – ледяная вода, как манна небесная. Даже подумала – а что если окунуться. Но от пруда веяло каким-то холодом неземным. Как будто это дом утопленниц-русалок. Про русалок в нашей деревне сказки

ходили. Что все утопшие юные девицы собираются вместе в одном пруду и поют о скорбной своей доле. И очень они злятся на всех живых – что те как ни в чем не бывало на солнышке греются, пока они, с раздутыми синими лицами, плещутся в тине. И если только живой в их вотчину забредет, они сговариваются и начинают песнями его звать. Особенно часто это происходит в июньские ночи. Все в деревне знают, что в июне негоже одному по полям и лесам шастать. Даже дни есть особенные – Русалии называются. Голоса у них тонкие, как хрустальные колокольчики... Как будто бы на душей твоей, как на арфе волшебной играют. И пока они вот так поют, всем кажется, что они – бледные красавицы в белых мокрых платьях. Волосы распущены, на голове у каждой – веночек из кувшинок. Так и хочется поближе подойти, сердце от красоты невиданной замирает. Но если подойдешь – русалка из воды выпрыгнет, за волосы тебя схватит и утянет на дно. И последним, что ты увидишь, будет ее настоящее лицо – посилившее, раздувшееся, глаза рыбы выели, к щеке рак прицепился и доедает гнилую плоть... От этих мыслей холодок меня пробрал, решила я убираться оттуда подобру-поздорову. И вдруг с другой стороны к озеру подошел кто-то. Я подслеповатая, сразу и не поняла. Вроде зверь какой-то, напиток пришел. А потом пригляделась – да, зверь, шерстью весь покрыт, лапы волчьи, сильные, серый пушистый хвост. А лицо – человеческое. У меня от ужаса – душа в пятки. Сердце заколотилось так, слезы по щекам покатались. А зверь к озеру наклонился и спокойно воду лакает. Не заметил меня. А я тихонечко отошла, на тропинку вышла и понеслась домой. Мне все казалось, за мной бежит кто-то, да так ни разу и не обернулась.

Сказка о человеке-волке была частью их детства. Этот сюжет никогда не надоел, и в нем даже был своеобразный мрачноватый уют. Забраться с головой под одеяло и в тысячный раз попросить: «Ба, а теперь о Волкодлаке расскажи!»

Бабушка умерла, когда Саше еще десяти лет не было.

В деревню они больше не ездили – первые несколько лет скучали, вспоминали, какие там были ароматные разнотравные луга, какой темный речной песок, в котором можно было найти камни «чертовы пальцы», какая березовая роща, богатая на грибы, как здорово мчаться по пыльной дороге на стареньком велосипеде, как шелестел вдаль лес и как сладко было этого леса бояться. Но постепенно воспоминания покрылись толстым слоем пыли, утратили эмоциональную яркость и продолжали существовать только в виде сухих фактов. Да, была деревня. Лес. Разнотравье. Чертовы пальцы. Мясистые подберезовики, из которых получается пахучий суп.

Саше было уже четырнадцать, когда он однажды Татьяне странное рассказал.

– Танечка, я бабку нашу видел.

– Какую бабку? – Она даже не сразу поняла, о чем речь.

– У тебя много бабушек? – поддразнил брат, – Нашу, покойницу.

– Приснилась что ли?

– Если бы, – вздохнул Саша. – То есть сначала она приснилась. Такой сон живой был. Улыбалась мне. Я решил, что это потому, что мы давно на могиле ее не были. На следующий день нарвал ромашек, сел на велосипед и до кладбища доехал... Могилка бабкина заросла так. Я сорняки выдернул, тряпку какую-то нашел, крест протер. Ромашки положил. Уже дело к вечеру было, я собрался уходить. Иду по тропке между могил, и вдруг меня окликают кто-то: «Саша!» Я обернулся – стоит. Бабушка. Я ее сразу узнал. Странно она выглядела – строгая такая, не улыбается. Платок туго повязан, платье темное, длинное. Потом вспомнил, что хоронили ее в платье таком. В сундуках ее нашли, а при жизни и не носила его никогда. Я остановился как вкопанный. Ответил ей тихонечко: «Бабушка, что же ты?» А она так смотрит укоризненно и головой качает: «Эх, Саша-Саша, скучаю я по тебе, да скоро ведь свидимся... Ты уж ко мне, внучек, не торопись!» А потом лицо ее изменилось, она бросилась вперед, перепрыгнула через две могилы разом, откуда в старухе такая прыть. Остановилась прямо передо мною, да в лицо мне гнилью дышит. И говорит так странно – не размыкая губ, как чревоушители. «Не ходи в лес к волкам! – говорила, – Не ходи в лес к волкам, не ходи в лес к волкам!»

И руки ко мне тянет. Тут уж я пришел в себя и наутек пустился. А за спиной так голос ее и звучал: «Не ходи в лес к волкам!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.